

М. Брызгалова.

Встречи с декабристами ¹⁾.

Уступая настояниям своих друзей, я набросала настоящие строки, которые решаюсь печатать только после долгих колебаний, вполне сознавая все недостатки их изложения.

Вначале я не предполагала в них какого-либо общественного интереса, так как я совершенно не касаюсь исторической стороны декабрьских событий. Но в виду приближения столетнего юбилея восстания 14 декабря 1825 года я решила предать впечатления моей юности гласности. Думаю, что все относящееся к благороднейшим людям девятнадцатого столетия, беззаветно любившим свою родину и принесящим в жертву все те блага жизни, которыми большинство из них было так щедро одарено, должно представлять интерес для общества.

Не претендуя ни на что, я хочу только дать верную картину тех жизненных условий и обстановки, в которых угасала жизнь последних декабристов, не окружая никаким ореолом описываемых мною людей и выставляя их со всеми их старческими слабостями. Да и нужен ли им какой-либо ореол, не покрывают ли их славой одни их имена?

I.

Петр Николаевич Свистунов.

Встреча моя с декабристом Свистуновым произошла в Москве, осенью 1885 года.

Я была в то время 13-летней девочкой; отец мой, Владимир Иванович Анненков, сын декабриста Ивана Александровича Анненкова, бывший в то время председателем Самарского окружного суда, привез меня в Москву для определения в пансион княжны Мещерской. По приезде в Москву отец решил немедленно же навестить оставшихся в живых декабристов—Петра Николаевича Свистунова, Матвея Ивановича Муравьева-Апостола и Дмитрия Иринарховича Завали-

¹⁾ Печатаемые ниже воспоминания принадлежат перу Марии Владимировны Брызгаловой (по первому браку—Хвошинской), рожденной Анненковой, внучки декабриста И. А. Анненкова. *Ред.*

шина; и в первый же вечер мы поехали к Свистунову. Дорогой отец рассказывал мне о том, что Свистунов был особенно дружен с моим дедом; оба они в 1825 году служили в Кавалергардском полку и пошли в ссылку, будучи очень молодыми.

Названия улицы, где проживал П. Н., я не припомню, но знаю, что это было не в центре города, ибо ехали мы очень долго. Домик его был небольшой. В передней нас очень приветливо встретила немолодая полная особа, оказавшаяся незамужней дочерью Свистунова, Марией Петровной, с которой он жил последние годы. Вскоре слышались легкие, быстрые шаги, и мы увидели перед собой маленького сухого старика с белой бородой, одетого в черный костюм. С радостным восклицанием «*Comment, c'est toi, mon cher!*» — он пошел навстречу отцу и стал его обнимать. Вслед за тем отец, подведя меня к Свистунову, произнес:

— Позвольте вам, Петр Николаевич, представить внучку Ивана Александровича.

В ответ на мой низкий реверанс старик чрезвычайно ласково со мной поздоровался. Затем мы уселись около чайного стола и стали пить чай. Свистунов был, видимо, весьма обрадован приездом моего отца, который в Сибири рос на его глазах. Разговор шел большей частью на французском языке, которым старый декабрист владел в совершенстве. П. Н. вспоминал моего деда, за несколько лет до того скончавшегося, расспрашивал отца о его делах, о цели приезда в Москву и часто обращался ко мне. Меня поразила элегантность и изящество его манер и изысканная вежливость. За чаем он рассказал отцу о своей старой болезни (какой — не помню) и о способах ее лечения. Затем, видимо, желая более интимно побеседовать с моим отцом, он увел его в соседнюю комнату; но дочь его, очевидно, не поняв, что он желает остаться с отцом наедине, через некоторое время, пригласив меня с собою, вошла к ним. Старик, обращаясь к дочери, с раздражением произнес:

— *Comment vous ne pouviez pas nous laisser seuls!*

Мария Петровна стала извиняться перед отцом, и мы поспешили оставить их вдвоем. Что служило темой их разговора, мне неизвестно.

Вскоре после этого мы стали собираться, так как было уже поздно. На прощание Свистунов, обращаясь ко мне, вновь сказал мне, как он был рад увидеть внучку Ивана Александровича. Провожал он нас самым сердечным образом, стоя в передней все время, пока мы одевались. Более я его не видала. Жил он после этого недолго, около трех лет.

II.

Матвей Иванович Муравьев-Апостол.

С декабристом М. И. Муравьевым-Апостолом я также виделась в тот же приезд. Это был 90-летний старик, парализованный—его

катали в кресле; умственные способности Матвея Ивановича также, видимо, находились в ослабленном состоянии.

Матвей Иванович был родной брат повешенного декабриста, Сергея Ивановича Муравьева-Апостола. Квартира его, довольно обширная, была обставлена более богато, чем квартира Свистунова; при входе в нее мы были приняты его воспитанницей, Августой Павловной, которую он девочкой взял в Сибири и вырастил. Она провела нас в обширную гостиную, где мы увидели Матвея Ивановича, лежащего в кресле в халате.

Старик узнал моего отца и, кажется, был ему рад. Говорил он невнятно, и я понимала его с трудом. Усадив меня на стул рядом с своим креслом, он часто взглядывал на меня и, хотя вначале как-будто и понял, что я внучка Ивана Александровича Анненкова, через несколько минут, вновь в меня всматриваясь, спросил:

— *Mais qui est cette demoiselle?*

Данное ему на это вторичное объяснение как-будто удовлетворило его.

Августа Павловна принесла фотографии декабристов, которые ей удалось собрать; она вынимала их по одной, передавая моему отцу, сидевшему между ней и Матвеем Ивановичем, но старик нетерпеливо протягивал за ними руку и недовольно мычал.

Взяв фотографию своего казненного брата, он передал ее мне со словами:

— *C'est mon frère.*

Он стал вопросительно на меня смотреть, очевидно, выжидая моего ответа. Заметив это, я, будучи в то время весьма застенчивой, сконфузилась, но, видя что М. И. все еще ждет, и, смотря на благородное и открытое лицо Сергея Муравьева-Апостола, смущенно проговорила:

— Как он красив!

Ответом моим старик, видимо, остался доволен.

Сидели мы с ним недолго, так как Августа Павловна вскоре увела нас пить чай, и мы зашли к Матвею Ивановичу только, чтобы проститься с ним. Перед нашим отъездом Августа Павловна обещала моему отцу снять копии с фотографий декабристов и переслать их ему; обещание свое она сдержала. Фотографии эти весьма интересны: декабристы изображены на них в различных возрастах и видах, начиная с блестящих гвардейских мундиров эпохи Александра I и кончая какими-то фантастическими головными уборами, шлафроками и халатами, очевидно, уже из времен ссылки. Фотографии эти были собраны отцом в отдельный альбом и после его смерти перешли ко мне.

III.

Дмитрий Иринархович Завалишин.

В 1885 году мне не удалось познакомиться с декабристом Завалишиным, так как мы не застали его дома.

Наше знакомство состоялось 4 года спустя, в Москве же, когда Завалишин был уже последним из оставшихся в живых декабристов.

Жил он в гостинице Кремль, против Александровского сада, со своей единственной дочерью. Комната, которую он занимал, была обставлена весьма убого: старик зарабатывал себе на жизнь, давая уроки. Войдя в эту бедную комнату, мы увидели маленького сморщенного, совершенно седого старика, одетого в какой-то старомодный не то кафтанчик, не то пальто, коричневого цвета, с шарфом, обмотанным вокруг шеи.

Встретил он нас весьма приветливо, но как-будто смутился, увидав перед собою нарядную светскую барышню, каковой я в то время была.

Мой отец, преклонявшийся перед Завалишиным, как перед человеком, чрезвычайно образованным, изучившим 14 языков (при чем древне-еврейский был им изучен во время одиночного заключения в Петропавловской крепости, где он, как и прочие декабристы, содержался до объявления приговора по делу 14-го декабря), стал мне в присутствии Дмитрия Иринарховича перечислять языки, которыми Завалишин владел. Старик смущенно произнес:

— Ну что об этом говорить.

Он постарался переменить тему разговора, сведя его на воспоминания о Сибири, о прежних временах, о декабристах.

Просидев довольно долго, мы стали прощаться с хозяином, и старик с рыцарской вежливостью, относившейся ко мне, пошел провожать нас до входных дверей, что было очень далеко. Приходилось идти длинными коридорами; по легкомыслию, свойственному моему тогдашнему возрасту, я пошла вперед довольно быстро, но, увидав, как тяжело 90-летнему старику поспевать за мною, замедлила шаги.

На следующий день мы с отцом, имевшим в Москве много родственников и знакомых, долго раз'езжали и, возвратившись в гостиницу, нашли клочок бумаги, на котором дрожащим старческим почерком было начертано: «Дмитрий Иринархович Завалишин». Мы с отцом глубоко сожалели о том, что старый декабрист не застал нас дома, притащившись издалека (мы остановились в Замоскворечье) в зимнюю стужу.

Это была моя единственная встреча с Завалишиным, через несколько месяцев после этого скончавшимся.

Не беру на себя смелость дать оценку крупной личности Завалишина. Я слышала от лиц, знавших декабристов, что это была натура сложная, загадочная и замкнутая. В Сибири он ударился в религиозный мистицизм, доводя его до фанатизма; таково было мое впечатле-

ние при чтении писем Завалишина к его невесте Смольяниновой, с которою он долгие годы был в переписке. Переписка эта, а также позднейшие письма Завалишина из Москвы к сестрам его первой, рано умершей жены (той же Смольяниновой) находятся в Читинском музее, и, благодаря любезности директора музея А. К. Кузнецова, я имела возможность ознакомиться с ними.

IV.

Иван Александрович Анненков.

Мне было 6 лет, когда скончался мой дед, декабрист Иван Александрович Анненков. Внешний облик деда живо сохранился в моей памяти. Как живой, встает передо мной высокий старик в халате с серебряными кудрями, с саркастически-умным лицом, в очках (дед был сильно близорук). Обычно после обеда он усаживался с газетою в гостиной; напротив на низкой кушетке садилась бабушка, по бокам которой помещались я и моя младшая сестра; сидеть мы должны были безмолвно и неподвижно, не нарушая тишины, дабы не мешать деду, за чем зорко следила бабушка. Мы с сестрою очень боялись деда, всегда молчаливого, сумрачного и мало обращавшего на нас внимания.

Полную противоположность ему представляла бабушка—живая, веселая француженка и в старости чрезвычайно разговорчивая. Дед же, никогда не отличавшийся живостью характера и попавший в ссылку молодым 22-летним кавалергардским офицером, во время одиночного заключения в Петропавловской крепости впал в тяжелую меланхолию: он покушался на самоубийство, но был спасен подоспевшим часовым.

Приезд моей бабушки в Сибирь спас его от душевного недуга, который стал овладевать им с новой силой. Возможно, что развитию болезненного состояния Ивана Александровича в Сибири способствовало отчасти следующее обстоятельство. Во время выполнения sentences над декабристами, когда с них срывали мундиры и ломали над головой шпаги, Иван Александрович, благодаря неловкости палача, получил страшный удар в голову и долго находился в беспамятном состоянии. Переезд в Сибирь также заставил Ивана Александровича сильно страдать; фельд'егерь, везший их партию, был человек жестокий; он торопился поскорее сдать арестантов и вез их с невероятной быстротой. Иван Александрович был одет недостаточно тепло, между тем стояли суровые морозы: он сильно страдал от холода. Кроме того, его ручные кандалы были для него слишком малы, и они с жестокой болью впивались в его отмороженные руки. Пережитые страдания наложили глубокий отпечаток на общий облик деда, который настолько изменился, что его трудно было узнать. Доказательством тому служит следующее обстоятельство. Княгиня

Трубецкая, жена декабриста, вскоре по приезде в Сибирь, указывая на проходившего мимо высокого человека с бородой и в полушубке, спросила мужа, кто этот мужик, и была страшно удивлена, узнав, что это—тот блестящий кавалергард Анненков, с которым она танцевала на балах. После смерти бабушки дед снова впал в болезненное состояние и последнее время своей жизни страдал черной меланхолией. Тогда отец мой, его старший сын, Владимир Иванович Анненков, бывший в то время председателем Харьковского окружного суда, заявил об этом на нижегородском дворянском собрании, предложив дворянам избрать себе нового предводителя. (Дед по возвращении из Сибири многие годы бессменно состоял председателем нижегородской уездной земской управы и нижегородским уездным предводителем дворянства, упорно отказываясь, несмотря на многократные просьбы нижегородского дворянства, баллотироваться в губернские предводители). Но дворяне на это ответили, что, пока жив Иван Александрович Анненков, у них другого предводителя не будет. Иван Александрович пользовался огромным уважением и популярностью в Нижегородской губернии, работа его в качестве председателя управы была чрезвычайно плодотворною. Так, например, он покрыл уезд целой сетью школ; значительно улучшил общее благосостояние уезда, принимал деятельное участие в комитетах по устройству быта крестьян (в связи с освобождением их от крепостной зависимости), неоднократно ездил в Петербург в качестве депутата по тем же крестьянским вопросам и т. д. На похоронах бабушки, внезапно ночью скончавшейся и найденной утром в постели уже похолодевшей (бабушка как-будто предвидела свою смерть — ее нашли мертвою в предсказанное ею число), дед проявил полное безразличие. На слова своей внучки, моей двоюродной сестры, княгини Гагариной, о том, что нужно послать за священником, дед равнодушно заметил:

— К чему? ведь *Pauline* (так звал он свою жену) приняла магометанство.

Он ходил вокруг гроба, говоря, что бабушка притворяется и спит. Полицейским, приставленным к под'езду, он приказал гнать всех приезжающих. Во время отпевания, происходившего в нижегородской Тихоновской церкви, он, сидя в кресле (так как стоять уже не мог), подозвал ту же Гагаринову и, указывая на зажженное паникадило, недовольно ей заметил:

— Нелли, к чему такой расход?

Затем он стал вообще проявлять различные странности: так, например, отличаясь в старости прямо-таки болезненной скупостью, — так что бабушке, тщетно просившей у него деньги на домашние расходы, часто приходилось их вытаскивать из бумажника, хранившегося у него под подушкой, в то время, когда он спал, — он вдруг проявил расточительность, об'ехав различные магазины и купив массу ненужных вещей, так что после его приезда домой

то и дело стали приходить приказчики с огромными свертками в руках и не менее об'емистыми счетами.

Все эти поступки служили явным доказательством того, что на закате дней Иваном Александровичем вновь овладел его прежний недуг. Скончался он через год и четыре месяца после смерти своей жены, 27 января 1878 года, 76 лет от роду, и похоронен в нижегородском Крестовоздвиженском женском монастыре, рядом со своею женою, так горячо его всю жизнь любившей и бывшей ему самым верным и преданным другом.

Семейная жизнь Анненковых была счастлива; у них было 18 детей, из которых в живых осталось шестеро.

Бабушку, отличавшуюся весьма живым и веселым характером, жены декабристов очень любили. Выросши в семье, которая благодаря французской революции потеряла свое состояние, Прасковья Егоровна все умела делать сама; она прекрасно готовила, стирала белье, умела ухаживать за огородом и в этом отношении была очень полезною для остальных дам, которые первое время, несмотря на самое искреннее желание, не умели ни за что взяться; многому научились они от бабушки, что и вспоминали с благодарностью. Первое время Анненковы были совершенно не обеспечены материально и жить им было трудно. Тогда бабушка решилась обратиться с просьбою к государю о том, чтобы ей возвратили 60.000 рублей, которые находились в мундире деда во время его ареста, так как иначе ей с семьей нечем существовать. Николай I приказал исполнить ее просьбу, и на эти деньги Анненковы жили в Сибири.

Вообще государь оказывал бабушке какое-то особое благоволение в течение всей своей жизни. Отец рассказал мне один случай, свидетельствующий об этом. Когда Анненковы, обзаведясь собственным домом, жили в Тобольске уже в качестве поселенцев, из Петербурга был послан для общей ревизии дел в Сибири генерал, фамилия которого изгладилась из моей памяти. Семья Анненковых, ведя самый скромный образ жизни, рано ложились спать, и все уже находились в постелях, как вдруг раздался звонок. Это был приезжий генерал, и когда бабушка вошла к нему, он обратился к ней по-французски со следующими словами: «*Madame, je dois vous transmettre les paroles de sa majesté imperiale; l'empereur m'a dit: «Saluez de ma part cette Francaise, qui n'a pas doute de mon coeur»*¹⁾».

Кроме живости характера, бабушка отличалась большим присутствием духа; в Сибири она спасла жизнь деду. Подробностей этого события я не помню, так как слышала их от отца, уже более 20 лет тому назад скончавшегося; но знаю, что бабушка, войдя

¹⁾ Перевод: «Сударыня, я должен передать вам слова его императорского величества; государь мне сказал: «Кланяйтесь от моего имени той француженке, которая не усумнилась в моем сердце».

в комнату в ту минуту, когда убийца занес топор над головой деда, стоявшего спиной, мгновенно бросила ему в глаза горсть табаку, чем и предотвратила преступление. В старости она ухаживала за дедом, как за ребенком. Ив. Ал. отличался большой рассеянностью; провожая его на заседания, бабушка ходила за ним, спрашивая: *Annenkoff, n'as tu rien oublié, où est ton mouchoir de poche?*¹⁾.

В семейной жизни все подчинялось воле деда; малейшее слово его являлось законом для всех членов семьи; характер у Ив. Ал. был крутой, к детям своим он относился сурово. Например, не доверяя болезни моего отца, он стаскивал его в жару с кровати и приказывал ему идти в гимназию.

Директором Тобольской мужской гимназии был в те времена Ершов — автор «Конька Горбунка». Ершов жестоко обращался с учениками; отец рассказывал, как учеников за малейшую провинность пороли по субботам; рассказывал он также о том, как за детьми декабристов бегали уличные мальчишки и кричали:

— Дети каторжников, дети каторжников!..

По окончании курса Тобольской гимназии отец мой подал прошение Николаю I о разрешении поступить в университет, но на это последовал отказ; отец с чувством глубокой горечи вспоминал об этом событии всю жизнь.

Отец мой, которому я хочу посвятить мои заключительные строки, был, несмотря на то, что не имел возможности учиться в университете, весьма разносторонне и основательно образованным человеком, чему он был, главным образом, обязан самому себе. Кроме того, он имел в Сибири прекрасного, высоко образованного наставника в лице декабриста Ивана Ивановича Пущина, близкого и любимого друга поэта Пушкина, о котором, со слов Пущина, переданных мне моим отцом, я хочу сообщить следующее. Как известно, Пушкин был близок со многими из декабристов, но всего более был дружен с Пущиным и Кюхельбекером. Пушкин, гостя в имении Давыдова Каменке с некоторыми из декабристов, догадывался, что между ними существует какая-то тайна; но, несмотря на все его усилия, проникнуть в их замыслы ему не удавалось. Пушкин чувствовал себя оскорбленным. Декабристы же не делились с ним своими замыслами, щадя его талант и не желая подвергать его тому, что ожидало их в случае неуспеха. Пушкин и после событий 14 декабря продолжал относиться с глубокой любовью и дружбой к декабристам. Встретив в Москве, на вечере у известной меценатки, княгини Зинаиды Волконской, жену декабриста Никиты Муравьева, Александру Григорьевну, которая ехала в Сибирь к мужу и проездом остановилась у Волконской, Пушкин сказал ей:

¹⁾ П е р е в о д: Анненков (она всегда называла деда по фамилии), не забыл ли ты чего-либо, где твой носовой платок?

— Кланяйтесь этим господам и скажите, что я очень понимаю, почему они не приняли меня в свое общество, я был недостойн этой чести.

Родившись на берегу Байкала, о котором он всегда вспоминал с глубокой любовью, отец мой начал службу в Сибири с должности канцелярского писца. Выросший в простых и суровых условиях жизни, находившийся под большим влиянием декабристов, он уже в 40 лет был председателем Харьковского окружного суда. После смерти моего деда он сделался обладателем значительного состояния, но продолжал до конца дней своих вести трудовой и скромный образ жизни, не терпя барства и лени; отец чувствовал какую-то инстинктивную ненависть к роскоши, носил грубое белье и употреблял самую простую пищу и всегда вставал в 5 часов утра. Отец рассказывал мне, что дед долго не решался возвратиться в Россию после объявления манифеста Александра II о полном помиловании декабристов, так как не знал, на какие средства можно будет существовать с семьей в России (декабристам были возвращены права дворянства, но не права имущества, и все имения деда были разделены после смерти его матери между родственниками). Только благодаря обращению Александра II на придворном балу к бывшему киевскому генерал-губернатору Николаю Николаевичу Анненкову— «Я надеюсь, Анненков, что ты возвратишь своему двоюродному брату его имения»—Иван Александрович получил часть своих поместий— 10 тысяч десятин; остальные же родственники, за исключением одной старухи Кушелевой, ничего не возвратили.

Но за время ссылки деда родственники успели совершенно расстроить дела, и Ивану Александровичу были возвращены заложенные имения, обремененные долгами; благодаря самому умеренному образу жизни и строгой расчетливости, дед погасил все долги и, умирая, оставил своим двум сыновьям прекрасное состояние.

В 1897 году отец, чувствуя себя уже совершенно больным, собирался выйти в отставку, поселиться в Пензенской губ. в своем имении и писать мемуары. Но в октябре этого года отец скончался; последними словами его были: «Достаточно пожил—66 лет трудовой жизни».

Единодушным взрывом скорби отозвалось самарское общество на его кончину; у гроба его об'единились все классы общества, все слои населения; не забыта была и Тобольская гимназия, где, наряду с прочими учреждениями, также была учреждена стипендия его имени. Отец пользовался большой любовью всех, знавших его, благодаря полнейшей простоте обращения и доступности; ко всем он относился совершенно одинаково, не делая никакого различия между людьми, каково бы ни было их общественное положение.

Но в нравственном смысле жизнь его—тайного советника, увешенного орденами,—была, пожалуй, много тяжелее жизни отца его, лишенного некогда всех прав.

Верную характеристику его дала одна из газет: «Скончался человек, которого все, как один, любили за ум, за правду, за доброту, за доступность, за милость». Перед смертью отец выразил желание, чтобы тело его перевезли в село Скачки Мокшанского уезда Пензенской губ. (родовое имение Анненковых) и похоронили рядом с моей покойной матерью, рожденной княжной Гагариной. Желание его было исполнено. Глубоко трогательно было видеть отношение крестьян: в холодный, ненастный, осенний день все село вышло встретить его тело; за несколько верст от села крестьяне сняли гроб с экипажа и попеременно на руках, по самой тяжелой дороге, донесли его до церкви; многие плакали.

Заканчивая свои семейные воспоминания, перехожу к отрывочному изложению различных фактов, слышанных мною от отца ¹⁾).

Искренне сожалею, что не сделала этого раньше, так как время успело многое изгладить из моей памяти.

Иван Александрович, будучи кавалергардом, должен был довольно часто нести ночное дежурство в Зимнем Дворце. Дежурная комната находилась в таком расстоянии от спальни императора, что из нее были слышны шаги государя. Александр I страдал бессонницей. Однажды дед, чувствуя себя утомленным, прилег на диване и заснул; проснулся он от света, падающего ему в глаза: перед ним со свечью в руках стоял Александр. Иван Александрович мгновенно вскочил и вытянулся перед государем, но тот, хотя и хорошо знал его, посмотрел на него недоуменным взглядом, потом схватился за голову и со стоном «боже мой, боже мой», шатаясь, вышел из комнаты.

Иван Александрович был одним из любимцев Александра I. Он неизменно должен был присутствовать на всех придворных балах. Он был высокого роста и очень красив, о чем свидетельствует сохранившийся у меня портрет его в кавалергардском мундире, сделанный акварелью (копия с работы Кипренского). Он великолепно танцевал и вместе со своим товарищем, декабристом князем Барятинским, был обычным кавалером великой княгини Александры Феодоровны, супруги Николая I. Особенно хорошо танцевал он мазурку, на которую Александра Феодоровна всегда его избирала.

Александр I приказал, чтобы ему всегда докладывали, когда Анненков будет танцевать мазурку: государь вставал тогда из-за карт и выходил в залу, где происходили танцы.

¹⁾ Хотя некоторые из приводимых ниже рассказов и весьма далеки от исторической действительности, тем не менее они представляют интерес, как образчики семейных преданий декабристов. *Ред.*

Князя Барятинского Александра Феодоровна отстранила от себя после следующего инцидента. Александра Феодоровна танцевала мазурку с Барятинским; князь был навеселе и от него несло ромом. Тогда великая княгиня спросила его по-французски: «*De quels parfums vous parfumez-vous, mon prince?*»¹⁾.

Барятинский ответил не смущаясь: «*De la Jamaïque, votre altesse imperiale*»²⁾.

Говорят, что Александра Феодоровна просила лично Николая о смягчении участи Анненкова и Барятинского, но тщетно.

Александр I было известно о заговоре декабристов — об этом донес ему Шервуд, незадолго до кончины Александра. Когда государь увидал лист с именами заговорщиков, он заплакал и, прикрыв глаза рукою, произнес:

— Какие имена, боже мой, какие имена.

Во время личного допроса Николаем I моего деда, описанного со слов самого Ивана Александровича в воспоминаниях моей бабушки, государь сказал ему, что он сгноит его в крепости.

По возвращении из Сибири в Россию Иван Александрович, после того как декабристам был разрешен въезд в столицу, отправился вместе с моим отцом в Петербург. Посетив Петропавловскую крепость, Иван Александрович остановился у гробницы Николая; вынув табакерку, с которой он никогда не расставался, он поднес к носу щепотку табаку и со свойственной ему флегматичностью сказал:

— Хотел меня сгноить, а гниешь прежде меня.

Отец говорил, со слов декабристов, что во время допроса царем Сергея Муравьева-Апостола (впоследствии повешенного), который бесстрашно стал говорить царю правду, описывая в сильных выражениях внутреннее положение России, Николай I, пораженный смелыми и искренними словами Муравьева, протянул ему руку, сказав:

— Муравьев, забудем все; служи мне.

Но Муравьев-Апостол, заложив руки за спину, не подал своей государю.

Павла Ивановича Пестеля, вождя южного движения, подвергали во время заключения пыткам. К сожалению, я забыла фамилию декабриста, который во время очной с ним ставки видел кровавые рубцы на голове Пестеля.

¹⁾ Какими духами душились вы, князь?

²⁾ Перевод: «Ямайскими, ваше императорское высочество».

В день восстания 14 декабря на куполе Исаакиевского собора, против которого собрались мятежные войска, происходил ремонт; рабочие, находившиеся на верху собора, с улюлюканием стали сбрасывать бревна в правительственные войска.

Декабрист Лунин, известный в петербургском обществе своим чудачеством, после произнесения приговора над декабристами, по прочтении сентенции обратился к товарищам со следующими словами (по-французски):

— Господа, прекрасная сентенция должна быть орошена.

И в точности исполнил сказанное.

Николай I строго запретил упоминать при нем о декабристах; никто не смел произносить их имен.

Во время одного из своих путешествий по России он случайно попал в усадьбу родителей одного из декабристов (фамилию в точности не помню, кажется, Ивашева), которые ни одним словом не упомянули о сыне; возвращаясь с прогулки по саду с матерью декабриста, Николай молча дважды поцеловал ей руку.

По возвращении в Россию, на одной из остановок перед Нижним, Иван Александрович Анненков был встречен депутацией крестьян из своих пензенских и нижегородских имений, поднесших ему хлеб-соль. Один из стариков заплакал и сказал:

— Батюшка ты наш, Иван Александрович, да какой же ты старый стал. Знаем мы, батюшка, за что ты был в Сибири. За нас, батюшка, за нас (дед пробыл в Сибири 30 лет).

По словам отца, эта встреча носила в высшей степени трогательный характер: крестьяне были первые, кто встретил изгнанника на родной земле.

Через несколько лет по возвращении в Россию Иван Александрович с моим отцом поехал за границу; в Париже у него произошло много интересных встреч с бывшими товарищами однополчанами, многие из которых во время царствования Николая занимали весьма видные посты. Отец, например, рассказывал про встречу Ивана Александровича с князем Орловым, которая произошла у собора Парижской богородицы. Расставшись молодыми блестящими кавалергардами, старики не сразу узнали друг друга: они радостно обнялись, и Орлов стал спрашивать деда:

— Ну, что, все еще либерал?

Происходили и курьезные сцены. Лишь только дед с моим отцом успели войти в номер гостиницы, как дверь распахнулась и на пороге показался вертлявый француз, который подбежал с поклонами к деду и засыпал его словами:

— Здравствуйте, Monsieur, если вы желаете осмотреть Париж, то я к вашим услугам; если хотите быть одетыми по моде, то я вас провожу в мой магазин, и т. д.

Дед перебил поток его красноречия, сказав:

— Позвольте, Monsieur, вы нас совсем не знаете.

Но француз со словами—«О нет, я вас прекрасно знаю»,— ткнул пальцем в сторону деда и сказал:

— Этот Ванька старый, — и затем с таким же жестом по направлению к моему отцу, — а тот Ванька молодой (Ça c'est Van a le vieux, ça c'est Vanka le jeune).